

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

**ИСТОРИЯ РОССИИ
В СОВРЕМЕННОЙ
ЗАРУБЕЖНОЙ НАУКЕ**

**СБОРНИК
ОБЗОРОВ И РЕФЕРАТОВ**

ЧАСТЬ 2

**МОСКВА
2010**

Коллектив авторов
История России в современной
зарубежной науке, часть 2
Серия «История России (ИНИОН)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38611775

*История России в современной зарубежной науке. Сборник обзоров и рефератов:
ISBN 978-5-248-00513-0*

Аннотация

Представлены информационные материалы, отражающие современное состояние зарубежной историографии дореволюционной России. Анализируемые труды зарубежных историков, опубликованные в 1990-2000-е годы, во многом обновляют панораму восприятия и интерпретации российской истории. По-новому освещаются политическая и социальная история России, проблемы модернизации, реформ, взаимоотношения общества и власти. Углубленно исследуется социальная идентичность. Особое внимание уделяется истории культуры и религии. Для научных работников, преподавателей вузов, аспирантов, студентов.

Содержание

Предисловие	4
Россия в европейском контексте, 1789–1914 гг.:	9
Член семьи	
Наполеон и Александр I: Борьба идей	23
Конец ознакомительного фрагмента.	29

История России в современной зарубежной науке. Сборник обзоров и рефератов

Предисловие

Данная книга представляет собой продолжение, вторую часть, сборника обзоров и рефератов «История России в зарубежной науке». Эта область исторических исследований находится ныне в турбулентном, взвихренном состоянии, порожденном процессами, происходящими и в самой науке, и вне ее.

Наиболее характерная черта такого состояния – своего рода метанойя, стремительное переосмысление многих сложившихся на Западе представлений о российской истории. Трансформации и переоценки прежних теорий и воззрений происходят на основе изучения новых источников и использования современных методов исследования, необычайного расширения тематики работ, обращения ученых практиче-

ски ко всем периодам российской истории.

Разумеется, в сравнительно небольшой работе невозможно фиксировать обширнейший и быстро меняющийся «ландшафт» западного россиеведения. Авторы сборника делают попытку дать читателю лишь общее представление о нем или даже только его абрис.

Развитие современного россиеведения определяется концептом культурной истории. Это отражают и реферативно-аналитические материалы, включенные в первую часть сборника, и в настоящую, вторую его часть.

В открывающей это издание работе о России в европейском контексте 1789–1914 гг. культурно-исторический подход исследователей к изучению прошлого нашей страны также проявляется вполне отчетливо, особенно в новейшей интерпретации С. Рэбоу-Эдлинг славянофильства как течения, синтезирующего российскую и западноевропейскую культуры.

Следующий реферат – об эпохе Наполеона и Александра I – весь, в сущности, о трудностях и успехах в развитии контактов между европейской и российской культурами того времени.

В реферируемом сборнике о проблемах и перспективах поздне-имперской России, даже в статьи, казалось бы, посвященные чисто политическим и социальным проблемам, «вторгается» культурная история, например в работу Д. Муна «Крестьяне в позднеимперский период», не говоря уж о

публикации, где эта история властвует безраздельно, – о связи культуры и развития гражданского общества.

И в обзоре о политике России в польском вопросе в 1914–1917 гг. проблемы войны, мира тесно связаны с решением «национального вопроса», которое в свою очередь не мыслилось поляками без решения комплекса проблем в сфере культуры, образования и языка.

Из реферата о российской периферии – колонизации окраин в истории Евразии – следует, что под влиянием «лингвистического поворота», «новой социальной истории», «новой культурной истории», «новой истории империи» исследования русской колонизации значительно обогатились методологически. В частности, контактная зона «русского фронта», воспринимавшаяся ранее исключительно одномерно, с точки зрения правительства, в новых зарубежных исследованиях превратилась в мультикультурную зону взаимодействия между русскими и нерусскими, «пришлыми» и «туземцами», а изучение колонизационной политики уступает место интересу к политической культуре колонизации.

В обзоре об этнолого-антропологических проблемах российской истории в современных исследованиях сделан акцент на тех подходах, которые не получили развития в отечественной этнологии: неофрейдистском психоанализе этнического самосознания русских, «психогеографическом» подходе к историческому изучению «ментальных карт», ис-

торико-культурологическом исследовании этнических идентичностей, политическом анализе концепции расы. Выделен также переход от «традиций» к «новой» истории России, который прослеживается в исследованиях по сибиреведению, истории российской этнологии.

В обзоре о религии и церкви в жизни русской женщины (X – начало XX в.) показано, что в 1990-е годы в связи с выдвиганием в русистике на передний план культурной парадигмы произошел серьезный сдвиг в анализе этой проблематики: идет бурное развитие исследований религии и активно вводится категория гендера, значительно обогатившая социальную историю. В зарубежных работах о женской религиозности гендерная проблематика сплетается с социальной, культурной и политической историей.

Современные тенденции в исследовании религии императорской России отразил и реферат книги о религии и духовности в России Нового времени. Ее авторы рассматривают взаимоотношения религии с современностью. Они ставят под вопрос такие привычные утверждения, как упадок православной церкви в последние десятилетия существования царского режима, пропасть между сакральным и светским, несовместимость религиозности с модерностью. Важными чертами эпохи модерности наряду с индустриализацией, урбанизацией, социальной трансформацией, политической революцией начала XX в. были также интеллектуальные и духовные искания в области религии и веры, массо-

вые религиозные паломничества, борьба за свободу совести, распространение мистицизма в литературе и искусстве, возникновение новой традиции религиозной философии и т.д.

Завершается сборник обзором о культуре императорской России в англоязычной историографии. Хотя русская культура достаточно высоко ценилась на Западе, однако долгое время она считалась чем-то второстепенным, и ведущее место в историографии традиционно занимали политика и экономика. С приходом «новой культурной истории» положение начало меняться. В исторической русистике изучение культуры выдвинулось на первый план. В обзоре показан методологический плюрализм современной зарубежной историографии культуры императорской России и подчеркнуто, что многое в таких исследованиях зависит от профессионализма, эрудиции и творческого потенциала историка.

Авторы сборника выражают надежду, что обе части «Истории России в зарубежной науке» послужат этим достойным качествам исследователей – научным сотрудникам, преподавателям и студентам высшей школы.

В.М. Шевырин

Россия в европейском контексте, 1789–1914 гг.: Член семьи (Реферат)

**RUSSIA IN THE EUROPEAN CONTEXT,
1789–1914: A MEMBER OF THE FAMILY /
Ed. by S.P. McCaffray and M. Melancon. –
N. Y.: Palgrave: Macmillan, 2005. – X, 238 p**

Сборник статей «Россия в европейском контексте, 1789–1914 гг.: Член семьи» под редакцией С. Маккефри (ун-т Северной Каролины, Уилмингтон) и М. Меланкона (Обернский ун-т, США) представляет собою обзор истории русского общества и экономики. Выбор хронологических рамок обусловлен тем, что именно в этот период проблемы национальной идентичности, прогресса, отсталости и ее преодоления приобрели особую остроту – не только в России, но и в других европейских государствах. Сборник состоит из введения и одиннадцати статей, объединенных в две части, посвященные, соответственно, экономическим и социальным вопросам. Российская жизнь в XIX в. рассматривается на фоне истории европейских стран и в сравнении с ними.

Во введении, написанном редакторами сборника, обосновывается общая концепция, которой придерживается авторский коллектив. Маккефри и Меланкон, в частности, критикуют принятое в научной литературе жесткое противопоставление «отсталой» России «передовой» Европе, отмечая, что в действительности ситуация была гораздо сложнее. Сами понятия Западной и Восточной Европы в их современном (т.е. скорее культурном, нежели географическом) значении возникли в период «холодной войны». В XIX в., напротив, общеевропейская идентичность только начинала формироваться. Тогда европейская цивилизация, по мнению авторов, отличалась гораздо большим многообразием своего развития, чем в настоящее время, так что чрезмерные обобщения, основанные на опыте одной-двух стран, лишь затушевывают это обстоятельство. «В европейской истории, – утверждают Маккефри и Меланкон, – уникальность не уникальна» (с. 8). Не были уникальными и рассуждения русских мыслителей XIX в. об особенностях исторического развития России: европейских современников также волновала проблема собственной идентичности. К тому же, для образованных европейцев в те годы многочисленные архаичные явления в жизни их стран были примером отсталости в не меньшей степени, чем аналогичные реалии в России. Образованные русские, со своей стороны, считали свою родину европейским государством, несмотря на разного рода оговорки. Исходя из всего этого, авторы сборника попытались

отказаться от традиционного в литературе разделения европейских стран XIX в. (включая Россию) на «передовые» и «отсталые» и взглянуть на историю той эпохи с точки зрения современников, для которых Европа вместе с Россией составляла единое целое. Но при том каждая страна имела свои особенности и развивалась в соответствии с собственным географическим положением и культурными традициями, по-своему преодолевая собственную отсталость.

Первую часть сборника открывает статья Ли А. Фароу (Обернский ун-т) «Связующие нити: Роль рода в наследственном праве и праве собственности в России», посвященная особенностям русского земельного и наследственного права. Сравнивая отношение русского дворянства к своим земельным владениям с позицией дворянства в ряде других европейских стран, автор показывает принципиальные расхождения в этом вопросе между Россией и ее западными соседями. Так, в Европе на протяжении столетий вырабатывались принципы единонаследия или, по крайней мере, системы ограничений при передаче земельных владений по наследству с целью предотвратить дробление имений. Русские дворяне, напротив, предпочитали делить поместье поровну между сыновьями; введенный Петром I в 1714 г. закон о единонаследии встретил широкую оппозицию и был отменен Анной Иоанновной в 1731 г. Однако наиболее ярким отличием русского земельного права был механизм выкупа земли: родственники помещика, продавшего или зало-

жившего землю, имели право добиться ее передачи в их владение за выкуп. Тем самым закон защищал права рода. Его применение приводило к тому, что даже после оформления купли-продажи покупатель земли еще не становился ее собственником в полном смысле слова, поскольку не мог быть уверен, что сделка не будет оспорена, тем более что срок давности, в течение которого родственники лица, продавшего землю, могли воспользоваться своим правом на ее выкуп, составлял 40 лет и только в 1737 г. был уменьшен до трех лет. Тем самым новый владелец земли не был заинтересован в ее скорейшем благоустройстве и использовании из-за риска вновь потерять ее. Подходы к регулированию земельной собственности, столь упорно защищаемые русским дворянством, на деле не столько укрепляли, сколько подрывали его позиции в экономике и в обществе.

С. Маккефри в статье «Капитал, усердие и частные банки в экономических воззрениях государственного деятеля девятнадцатого столетия» подробно анализирует взгляды графа Н.С. Мордвинова (1754–1845) – в 1823–1840 гг. президента Вольного экономического общества, одного из первых представителей политической экономии в России, по вопросу о путях развития русской банковской системы. Автор рассматривает и общеевропейский контекст изучаемой проблемы, разбирает основные особенности ранней истории европейских банков; воззрения Мордвинова сравниваются с представлениями английского экономиста Д. Рикардо, зани-

мавшегося аналогичной проблематикой. По словам Маккеффри, говорить о принципиальном отличии банковской системы, сложившейся в России, от всей остальной Европы неверно: «На пороге девятнадцатого века российская банковская система была уникальной, точно так же, как и любая другая. Невзирая на определенные общие черты, происходившие от тех задач, которые должны были решать банки, финансы и кредит, разные страны Европы заводили собственные доморощенные и идиосинкразические порядки, соответствующие особенностям их политического, географического, коммерческого и финансового положения. Хотя России недоставало той интенсивности торговых операций, которая породила первые банки, в своей основе история русского банковского дела похожа на историю банков в других странах континента» (с. 34). Сравнивая взгляды Мордвинова и Рикардо, автор показывает их значительное сходство (убежденность в необходимости активно развивать частные банки в провинции, чтобы стимулировать развитие местной экономики и др.). Такое сходство вызывает особый интерес, учитывая серьезные различия между русской и английской экономикой. Огромная протяженность территории России приводила, например, к тому, что покупательная способность бумажных денег не только отличалась от таковой у серебра, но и различалась в разных регионах страны. Идеи Мордвинова не нашли отклика в правящих кругах России, но значение его работ не следует недооценивать. Это не было только переносом

сом идей А. Смита на русскую почву, но и дальнейшим их развитием, оказавшим существенное влияние на последующую эволюцию отечественной экономической мысли.

В статье Б.В. Горшкова (Обернский ун-т) «К всеобъемлющему закону: Царское фабрично-трудовое законодательство в европейском контексте, 1830–1914 гг.» рассматривается эволюция трудового законодательства в царской России. Автор особо отмечает, что эта чрезвычайно важная тема до сих пор почти полностью игнорируется российскими и зарубежными исследователями, в то время как по истории трудовых отношений и трудового права на Западе существует богатейшая литература и появляются новые работы. Несмотря на то, что промышленная революция в России состоялась позже, чем в Западной Европе, формирование отечественного трудового законодательства происходило почти синхронно с аналогичными процессами на Западе – в течение XIX и в начале XX в. Первые законы, регулирующие положение рабочих, появились еще в 30-е годы XIX в. с растущим применением вольнонаемного труда, который неуклонно вытеснял на фабриках труд крепостных. Закон 1835 г. ввел письменный трудовой договор как юридическую основу трудоустройства. В 1845 г. был издан первый закон, ограничивающий детский труд. Эти правовые документы были еще фрагментарны, однако их появление способствовало дальнейшему обсуждению затронутых вопросов. В ходе начавшихся дискуссий постепенно вырабатыва-

лись и расширялись представления о правах рабочих, что нашло свое отражение в новых законах 60–70-х и особенно 80-х годов XIX в. В 80-е годы был издан целый комплекс нормативных актов, всесторонне охватывающих разные составляющие жизни рабочих, включая условия труда, медицинское обслуживание, образование и др.; была учреждена фабричная инспекция. В 1905–1906 гг. были легализованы забастовки и профсоюзное движение, в 1912 г. создана система государственного медицинского страхования. Таким образом, «в течение девятнадцатого и первых лет двадцатого века фабричное законодательство имперской России прошло путь от отрывочных законодательных актов к завершённому, связному уставу о промышленном труде 1913 г.», потенциально способному «значительно облегчить положение рабочих, не сорви Первая мировая война все подобные начинания» (с. 65).

Ф. Вчисло (ун-т Вандербилта, США) в статье «Перечитывая старые тексты: Сергей Витте и индустриализация в России» анализирует экономические воззрения С.Ю. Витте в 80-е годы XIX в. и прежде всего его представления о роли железных дорог в национальной экономике и предполагаемом их развитии. К этому времени Витте имел уже значительный опыт работы в администрации Общества Юго-Западных железных дорог, детально изучил работу железнодорожного транспорта, его положение в хозяйственной системе. Автор полагает, что изучение работ Витте указанного пе-

риода, еще до его прихода в большую политику, добавляет новые штрихи к портрету будущего реформатора.

Статья Б.В. Ананьича (Санкт-Петербург) «Религиозные и национальные аспекты предпринимательства в России» представляет собой краткий обзор такого явления, как старообрядческое и еврейское предпринимательство (автор упоминает еще об аналогичной проблеме мусульманского предпринимательства, также до сих пор по-настоящему не исследованной, но подробно на ней не останавливается).

Вторую часть сборника открывает статья Сусанны Рэ-боу-Эдлинг (ун-т Упсалы) «Роль “Европы” в русском национализме: Переосмысливая отношения между Россией и Западом в славянофильской мысли», посвященная восприятию Европы в русском славянофильстве. Автор показывает истоки славянофильства, его основные идеи и аргументы, связь с другими течениями в общественной мысли. В современной европейской и американской литературе философия славянофилов рассматривается зачастую как антизападническая, изоляционистская. Между тем, подчеркивается в статье, славянофилы никогда не призывали к изоляции России от западной культуры. Возникновение славянофильства было результатом проникновения в Россию идей европейского романтизма, согласно которым только через развитие национальных культур может расти и развиваться человечество в целом. Тем самым простое внешнее подражание Западу, свойственное образованным слоям русского обще-

ства в XVIII в., становилось неприемлемым. Подобно европейским романтикам, славянофилы использовали биологическую аналогию, рассматривая каждую культуру как самостоятельный организм, проживающий собственную жизнь – рождение, рост, расцвет, увядание; искусственная «имплантация» чужеродного материала, как представлялось, только вредит этому процессу. Приводился также аргумент о кризисе европейской культуры, пронизанной рационализмом. Однако практический вывод из этих рассуждений должен был, по мысли славянофилов, состоять не в отстранении России от европейской культуры, а в создании подлинно национальной культуры путем синтеза западного наследия с отечественной традицией. Только таким образом Россия, как предполагалось, могла бы стать достойным членом европейской культурной «семьи», только на этом пути ее культура могла бы приобрести мировое значение и признание (с. 108–109).

Статья Э. Кингстон-Манн (ун-т Массачусетса, Бостон) «Статистика, обществознание и общественная справедливость: Земские статистики в дореволюционной России» содержит обзор истории земской статистики в пореформенной России в европейском контексте. Автор пишет о формировании европейской статистики в XIX в., а также о статистических изысканиях в нашей стране до отмены крепостного права. Подробно показано функционирование земских статистических органов, основные результаты их деятельно-

сти и их восприятие в российском обществе, в том числе со стороны помещиков и бюрократии. Они относились к статистическим учреждениям враждебно – как рассаднику революционных идей. Это было неудивительно, поскольку пореформенная статистика, используя новейшие методы сбора данных, часто приходила к выводам, неприятным для местных властей и землевладельческой элиты. Репрессивные меры в отношении статистиков, по словам автора, временами выливались в настоящий террор, включая закрытие отдельных статистических бюро, запреты на публикацию результатов исследований, сожжение готовых отчетов и т.д. Но и отношение марксистов к земской статистике было настороженным. И то и другое являлось российской спецификой. Однако в целом статистика в стране развивалась в том же направлении, что и в Европе, и в тесном взаимодействии с зарубежной наукой (с. 133).

Л. Хефнер (Лейпцигский ун-т) в статье «“Храм безделья”: Ассоциации и публичная сфера в провинциальной России» рассматривает историю общественных объединений Саратова с начала XIX в. по 1917 г. на фоне аналогичных процессов, протекавших в других частях страны. Как отмечает автор, в России в этот период существовало множество разнообразных клубов и объединений, сыгравших значительную роль в самоорганизации местного общества. Особенно активно создание новых общественных организаций развернулось после Великих реформ 1860-х годов. Еще больше раз-

личных объединений возникло в ходе революции 1905 г. Автор дает сжатый очерк работы общественных объединений Саратова, включая социальный и этнический состав их членов, направления их деятельности, повседневную жизнь, политизацию общественных организаций. Правом на членство в подобных объединениях и клубах обладал лишь ограниченный круг лиц. Тем не менее общественные объединения Саратова предоставляли горожанам значительные возможности для общения, организации «разумного» досуга, приобретения навыков самоуправления. Клубы и общества зачастую объединяли под своей крышей людей разных профессий, с разным уровнем образования, представителей всех сословий и религий, тем самым эффективно ломая разделявшие их барьеры.

Работа Дж. Дейли (ун-т Иллинойса, Чикаго) «Наказания в России в зеркале Европы» посвящена развитию системы наказаний в России на протяжении XIX и в начале XX в. в сравнении с европейскими странами и с США. Автор разбирает значительный статистический материал, показывает основные особенности российского уголовного права по сравнению с европейским и американским (такие, например, как значительно более эпизодическое, чем в Европе и особенно в Америке, применение смертной казни, которой в России к тому же карались только государственные преступления, тогда как на Западе – также тяжкие преступления против личности и собственности). Обсуждаются в статье и

причины различий между русским и европейским уголовным правом.

В статье А. Пэйт (США) «Петербургские рабочие и применение закона 1912 г. о социальном страховании» рассматривается история подготовки закона и введение его в действие в 1912–1914 гг. и развернувшиеся в связи с этим политические баталии. Автор, в частности, сопоставляет позиции различных политических группировок по вопросу об организации страховых фондов и касс, показывает влияние разногласий между большевиками и меньшевиками на исход дискуссий о порядке применения нового закона.

Завершается сборник статьей М. Меланкона «Восприятие настоящего и виды на будущее в России, 1910–1914 гг.: О чем рассказывает пресса». Автор анализирует содержание отечественной прессы последних предвоенных лет, выявляет наиболее активно обсуждаемые проблемы и особенности их интерпретации в газетах различной политической направленности. Вне поля зрения Меланкона остаются социалистические газеты, которые преследовались властями и в силу этого часто издавались за границей и распространялись нелегально либо существовали в течение слишком непродолжительного времени. Круг обсуждаемых в печати вопросов был довольно широк: политика правительства, демократические права и свободы, положение рабочих, крестьянский вопрос, права женщин, дискриминация национальных меньшинств. Спектр высказываемых мнений был

не менее широким. Однако представление о разобщенности, атомизации русского общества накануне Первой мировой войны автор считает ошибочным. Внимательный анализ газетных публикаций того времени показывает, что их авторы, несмотря на разногласия в частностях, по многим принципиальным вопросам занимали в целом довольно близкие позиции. Так, практически вся пресса была критически настроена по отношению к политике правительства. Не вызвало сколько-нибудь значительных сомнений и то, что Россия – европейская страна и должна эволюционировать по тому же пути, который уже прошли другие развитые страны в Европе и за ее пределами; представления об «особом историческом пути» России популярностью не пользовались. Даже в праворадикальной печати, подчеркивает автор, многие статьи выглядят вполне либеральными. Если бы из националистического «Нового времени» вырезали антисемитские пассажи, невнимательный читатель мог бы вообразить, что газета отражает взгляды умеренной русской интеллигенции (с. 222). Такое единодушие в прессе вряд ли было бы возможно в безнадежно разобщенном обществе. Иными словами, образованному обществу в 1910–1914 гг. удалось, будучи в целом в оппозиции (более или менее жесткой) к правительству Николая II, прийти к определенному внутреннему консенсусу. Следовательно, заключает Меланкон, истоки катастрофических событий 1917 г. следует искать не в общественных разногласиях предвоенных лет, а в системном

кризисе российского государства и общества, вызванном начавшейся Первой мировой войной (с. 222–223).

М.М. Миц

Наполеон и Александр I: Борьба идей (Реферат)

А. Рачинский

A. Ratchinski

**NAPOLÉON ET ALEXANDRE I: LA GUERRE
DES IDÉES. – P.: Giovangeli (Paris), 2002. – 403 p**

Реферируемая монография А. Рачинского состоит из предисловия, четырех частей, содержащих девять глав: «Французская эмиграция в России перед 1800 г.», «Французский язык как фактор обмена», «Александр I», «Наполеон», «Скрытая грань истории: Арена франкмасонства», «Французское окружение в русском обществе», «Жозеф де Местр между Францией и Россией», «Война и мир (1805–1812)», «Русские во Франции» и заключения.

В предисловии автор отмечает, что в первую очередь стремился исследовать область культурных контактов между

двумя странами в рассматриваемый период. «Французская эмиграция в Россию в конце XVIII – начале XIX в., отношения между французскими и русскими масонами перед и после 1814 г., присутствие тысяч русских военных на французской территории (1814–1818) оставили глубокий отпечаток и требуют детального рассмотрения» (с. 12). «Французский след» в русской литературе XIX в. и религиозное взаимовлияние двух стран – также важные темы, до сих пор мало исследованные в литературе.

С конца XVIII в., пишет автор, основным культурным фактором эпохи становится идеологическая борьба. Если до 1789 г. на первом месте находились национальные или династические интересы, а идеология играла вторичную роль, то теперь все культурное пространство Европы стало полем идейных сражений. При этом именно отношения между Россией и Францией, двумя крупнейшими европейскими державами, их взаимопритяжение и их антагонизм оказывались решающими для судеб не только континента, но и всего мира.

В культуре России начала XIX в. автор выделяет два пласта: аристократический, выросший на романо-германских ценностях и традициях, завезенных в Россию в эпоху Петра Великого, и православный, имеющий византийско-славянские корни. Влияние французской культуры в России проявлялось лишь в привилегированном франкоговорящем слое, составлявшем 5% жителей страны. Подавляющая же часть

образованного населения, включающая духовенство, средний класс, старообрядцев, оставалась вне этого влияния.

Основные фигуры, оказавшие воздействие на развитие идей в начале XIX в., считает автор, – Наполеон и Александр I, идейно противостоявшие друг другу, в то же время взаимодополняя, влияя друг на друга.

Александр I, в котором иррационализм и метафизика сочетались с тонким умом и необычайным дипломатическим чутьем, унаследовал от Екатерины Великой актерский талант, еще более развившийся под влиянием полученного им воспитания. Императрица в качестве воспитателей своего внука привлекла ряд выдающихся личностей, идейные взгляды которых были подчас взаимоисключающими, например Ф. де Лагарпа и М.Н. Муравьёва, сотрудника Вольного собрания любителей русского слова, преподававшего великим князьям Александру и Константину Павловичам русскую словесность, историю и нравственную философию. Такое разнообразное влияние его воспитателей сделало Александра I одной из самых загадочных фигур в русской истории – «сфинкс, не разгаданный до самой могилы», как называл его П.А. Вяземский.

Перемирие, заключенное между двумя императорами после Тильзита (1807) и Эрфурта (1808), стало передышкой, необходимой перед новым неизбежным столкновением. За политическими соображениями стоял культурный, идеологический аспект невозможности сосуществования двух ми-

ров в Европе – революционного и традиционного. Александр I и Наполеон олицетворяли собой разные культуры, идеологические системы, разные исторические концепции. Александр – наследник византийских ценностей, «христианский Цезарь», защищающий традиционный мир от еретических новшеств, носителем которых был Наполеон. Православный государь выступал и как глава, и как отец Церкви, не подчиняющийся никакому закону, кроме Закона Божьего. Отсюда возникает проблема легитимности верховной власти, очень важная для русской истории и ее политической философии. Восшествие на престол, «венчание на царство» являлось своего рода венчанием царя с Церковью, что в русском языке обозначалось одним и тем же словом. Сущность царской власти – мистическая, священная. Церемония помазания, пришедшая в Россию с Востока, придавала власти монарха неприкосновенный характер, она не могла зависеть ни от соображений личной выгоды, ни тем более становиться объектом «социального договора».

Власть Наполеона, пишет автор, также была исполнена верховной сущностью, но другого рода, поскольку основывалась на идеях антихристианского мистицизма, проповедуемого в масонских ложах XVIII в. Без учета этого соображения многие предприятия Наполеона, в том числе экспедиции в Египет, Сирию, Россию, остаются неясными, особенно если учитывать, чем они закончились. Таким образом, антагонизм этих двух людей был принципиальным и в области

духовной – христианскому мистицизму Александра противостоял антихристианский мистицизм Наполеона.

Новая власть во Франции имела новую идеологию. Требовалось заполнить образовавшуюся после разрушения французской Церкви духовную пустоту, создать новые гражданские культы, основанные на идеях Свободы и Равенства. Борьба против христианской религии способствовала расцвету неоязычества, зародившегося в лоне масонских лож, число которых в конце XVIII в. бурно росло, облачаясь в самые причудливые формы просветительства, деизма, обожествленных сил природы, материалистического пантеизма. Наполеон объединил политическое масонство, создав новую государственную церковь Империи.

Европейское масонство в эту эпоху внесло свой вклад в распространение идей Просвещения и Французской революции. Здесь берут начало политические и идейные воззрения будущих декабристов. «История европейской культуры будет неполной, – отмечает автор, – если не учитывать этот важнейший компонент. Однако эта сторона истории культурных связей остается до сих пор недостаточно изученной» (с. 90). Масонство использовало свое влияние, которое усиливалось секретным и таинственным характером его структуры. Оно распространилось по всей Европе благодаря многочисленным связям между его членами в разных странах, в том числе в России и Франции. Начиная с XVIII в. активно развивался своего рода масонский «туризм», для ко-

торого не существовало границ. Массонский патент, выданный в Париже, Лионе или Страсбурге, открывал двери любого салона или дворца в Берлине, Стокгольме, Санкт-Петербурге или Москве. Путешественники из России приезжали во Францию в поисках новых идей, контактов, полезных знакомств. То же самое происходило в обратном направлении. Идеи Просвещения, считает автор, глубоко укоренилось в России уже в эпоху Екатерины II благодаря достаточно широкому распространению здесь масонства.

Александр стремился использовать масонские ложи разных стран Европы и для создания антинаполеоновского фронта. В 1804 г., за два месяца до коронации Наполеона, он отправил в Лондон своего дипломата, Н. Новосильцева, с конфиденциальным посланием, в котором развивались идеи, легшие через десять лет в основу проекта Священного союза. Высказываясь за противодействие наполеоновской экспансии в Европе, Александр обращался к идеям масонства, провозглашал необходимость регламентации связей между государствами, основанными на принципах «священных прав человечества».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.